ЛОЛА ЗВОНАРЁВА

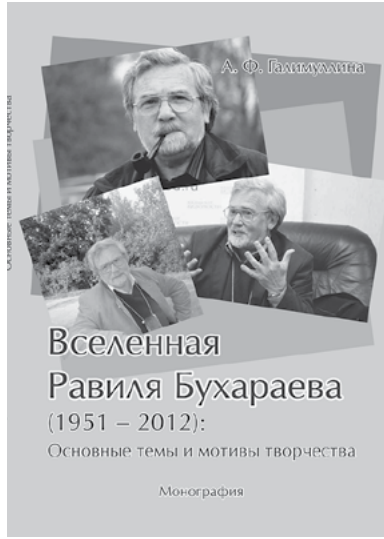
ОТКРЫВАЮЩИЙ МАТЕРИК

Мы, татары, на самом деле живём на огромном и практически неоткрытом материке собственной культуры, которую глубоко понимают пока только единицы.

Равиль Бухараев

С выходом этой книги к известным топосам — *«петербургский текст», «крымский текст», «пермский текст»* — необходимо добавить «*казанский текст»,* разработанный в мировом масштабе в поэзии и прозе Равиля Бухараева и блистательно проанализированный профессором Альфией Галимуллиной, дающей текстам писателя убедительную и точную характеристику: «Творчество Равиля Бухараева — прозорливость, пронзительность, исповедальность. Оно потрясает своей актуальной бесконечностью».

При этом интересны внутренние, органические связи творчества Бухараева с русской и мировой поэзией XX века. Среди трёх наиболее частотных слов во всём корпусе русской лирики специалисты часто называют три слова — *«дорога», «крест»* и «*душа*». Так что лейтмотив дороги — сквозной, как доказала Альфия Галимуллина, для творчества выдающегося писателя, соединяет его с русской культурой Серебряного века и лучшими писателями XX-го. Мотив странничества, поиска себя и своего места в мире вновь и вновь возникает в его стихах и прозе.



К юбилею христианства московские и болгарские писатели составили антологию *«Райский сад»,* продемонстрировав, насколько популярен культурный код сада в болгарской и русской поэзии. Альфия Галимуллина доказала: Равилю Бухараеву, последовательно разрабатывающему семантику образа сада в стихах и прозе, и здесь удалось сказать своё новое слово.

Любопытен и мотив потерянного рая, тоже связанный с Казанью как городом детства Равиля Бухараева, предостерегающий наших многочисленных эмигрантов, по разным причинам оказавшимся вдали от родины: утрата духовной связи с Родиной, с местами твоего детства грозит самым страшным для творческого человека — манкуртизмом,

понятием, введённым в русскоязычную культуру мудрым другом писателя Чингизом Айтматовым.

Профессору А. Ф. Галимуллиной в этой монографии удалось доказать: многоязыкая душа Равиля Бухараева постоянно возвращалась к родной татарской культуре, философски осмысливая её, сопоставляя с другими культурными мирами и утверждая: «*Культура — это не только наследие; это всегда процесс — развития и упадка*». Своей задачей писатель поставил сделать достижения татарской культуры близкими и понятными всем англоязычным читателям.

Когда-то умнейшая Зинаида Николаевна Гиппиус писала, что суть всякой поэзии — молитва. Равилю Бухараеву удалось точно и глубоко сформулировать то, что является главным в любой искренней молитве — это *«отчаяние, надежда, благодарность»*.

Прочитав эту монографию, мы понимаем, почему, двадцать лет прожив за границей, писатель не стал эмигрантом. И дело не только в том, что он постоянно возвращался в Казань, был, как пишет профессор Галимуллина, *«органично вписан в татарскую общественную жизнь»*. Главные, заветные мысли Равиля Бухараева неизменно были связаны с татарской культурой, с казанским детством, с далёкой Родиной. Боязнь утратить духовную связь с ней, внутренняя ответственность перед родной культурой, пока не услышанной миром, становилась мощным аккумулятором творческой энергии талантливого писателя.

Глубоко проанализировала автор монографии и то новое, что внёс Равиль Бухараев в переживающий сегодня огромный подъём жанр травелога. Его философские путешествия опираются на мощнейшую традицию в мировой литературе, заложенную английскими, французскими, русскими классиками XVIII-XX столетий, включая *«Записки русского путешественника»* Н. М. Карамзина.

Лондонский загородный дом Равиля Бухараева и Лидии Григорьевой стал подлинным международным культурным центром, где в разное время бывали Андрей Битов, Тимур Зульфикаров, Сергей Чупринин, Александр Ткаченко, Юрий Поляков, Юрий Норштейн, Валерий Казаков, Владимир Бондаренко, Владимир Берязев, Александр Радашкевич (Париж), Юкка Малинен (Финляндия), Ринат Харис (Казань), Ролан Сейсенбаев, Ринат Абдулхаликов (Казахстан), Хамид Измайлов и Андрей Остальский (Лондон), Наталья Харлампьева (Якутия), Миклош Зелеи (Венгрия), Джон Фарндон (Англия), Чингиз Айтматов и многие другие писатели и культурные деятели постсоветского пространства и дальнего зарубежья (США, Индия, Польша и пр.).

Альфия Галимуллина обосновала, анализируя тексты писателя, ту огромную роль, которую в жизни Равиля Бухараева сыграла его многолетняя муза, соратница и вдохновительница Лидия Григорьева, которой неслучайно посвящены многие лучшие стихи писателя. Мощное взаимовлияние двух сильных творческих личностей оборачивалось и новыми оригинальными текстами, и постоянными творческими поисками.

Мудрейший Бухараев точно определил истоки тех трагедий, которые нередко стоят за судьбами недальновидных эмигрантов: «*Все искали счастья и благополучия — никто не искал ни воли, ни покоя*».

Творческим заветом в нашу эпоху многочисленных модных экспериментов прозвучали в финале монографии слова писателя: самое главное в жизни и творчестве — «*интуитивное чувство добра и правильности должно осязаться во всей его глубине и ранимой трепетности*».